

ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИНСТИТУТЕ И МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

И.В. Перевозчиков

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва

В обзорной статье рассмотрены некоторые стороны становления и развития этнической антропологии и расоведения в НИИ и Музее антропологии МГУ, начиная с 1922 года. Автор не делает подробного разбора многочисленных работ, а выделяет основные достижения и характерные направления исследований сотрудников Института. Научная работа в Институте проходила на фоне значительных социальных перестроек и сопровождалась заметным идеологическим давлением извне.

Автором выбрано два (из многих) направления работ, которые проходят через все периоды существования Института. Это применение и создание новых методов исследования и этногенетические проблемы славянских и финских групп населения. Показано, как со временем сокращались работы в области этнической антропологии в Институте в силу объективных и субъективных причин.

На примере работ по антропологическому изучению различных русских и финских популяций автор анализирует постановку и разрешение проблем классификации и зарождение популяционно-го подхода, приводит высказывания известных антропологов по различным теоретическим аспектам.

Автор старается убедить читателя в преимуществах морфологического подхода в решении некоторых проблем этногенеза и расоведения.

Ключевые слова: антропология, Институт антропологии, история развития этнической антропологии

Введение

В журнальной статье невозможно дать описание всего, что было сделано в Институте антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова в области расоведения и этнической антропологии за 90 лет. Довольно много статей написано об истории развития антропологии и, в частности, этнической антропологии в нашем отечестве [см., например, Дебец, 1957; Залкинд, 1973]. Автору также пришлось несколько раз высказываться по этому предмету [Перевозчиков, 2002; Перевозчиков, 2010]. Подчеркну, что при написании статьи я имел в виду только раздел антропологии, обозначенный в заголовке, и историю (судьбу) этого раздела в Институте.

Научная работа в Институте проходила на фоне значительных социальных перестроек и сопровождалась заметным идеологическим давлением извне. Предваряя содержательную часть, мне хотелось бы обратить внимание читателей на некоторые обстоятельства околонуучной жизни.

Антропологические учреждения МГУ в течение длительного времени находились в состоянии перманентной реорганизации (илл. 1). Руководство Института и кафедры, то объединялось в одном лице, то административно разделялось. То же самое имело место и в положении Музея и Института. Институт менял свою подчиненность в пределах Университета. Наш профессиональный журнал четыре раза менял название и были периоды, когда он вообще не выходил.

В 1943 году во вновь организованный антропологический сектор Института этнографии АН СССР ушли практически все ведущие специалисты в расоведении и этнической антропологии (Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, Т.А. Трофимова и несколько позднее В.В. Бунак). В последующие годы и сейчас большая часть студентов и аспирантов, желающих специализироваться в области расоведения и этнической антропологии, оказываются в указанном секторе. Там же концентрируется для научной работы и большая часть исследователей из регионов. Таки образом, начи-

Илл. 1. Сотрудники и гости Института антропологии. 1956 г. Сидят, слева направо: В.В. Бунак, Ю.Г. Шевченко, супруга проф. Заллера, М.С. Плисецкий, М.А. Гремяцкий, П.Н. Башкиров. Стоят слева направо: М.Ф. Нестурх, М.В. Игнатьев, М.М. Герасимов, проф. Заллер, Я.Я. Рогинский, ..., А.А. Шамаков (на заднем плане), П.И. Зенкевич, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебец, завхоз Козлов (на заднем плане), М.И. Урысон

ная с 1943 г., центр расоведения и этнической антропологии переместился в Институт этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН).

М.А. Гремяцкий и Я.Я. Рогинский в 1950-х гг. перешли на кафедру антропологии.

В 1960-х годах в Институте практически перестали выполняться традиционные для этнической антропологии антропологические описания тех или иных этносов. Специалисты в этой области – Н.Н. Миклашевская и Т.И. Алексеева переместили свои научные интересы в области роста и развития, и физиологической антропологии. Пришедшие в Институт молодые выпускники кафедры В.А. Спицын и И.В. Перевозчиков стали проводить работы в сфере, которую правильнее назвать популяционной антропологией, а не этнической. В комплексных экспедициях Т.И. Алексеевой и И.В. Перевозчикова расоведческая программа присутствовала, но основное внимание было уделено другим программам (группы крови, сывороточные и ферментные белки сыворотки,

физиологические показатели, демографические и генеалогические исследования и др.) (илл. 2, 3). Интересно, что этот процесс «смены вех» практически не затронул сферу палеоантропологии, где классические методы получения информации остались основными. Такие направления как палеодемография, палеопатология, изучение дискретно варьирующих признаков и некоторые другие органично влились в основное русло палеоантропологии. Не все эти работы напрямую связаны с проблемами этно- и расогенеза и существует мнение (по личному сообщению С.Г. Ефимовой), что палеоантропология является самостоятельной отраслью нашей науки наравне с этнической антропологией. Автору известно, что С.Г. Ефимова предполагает написать в ближайшем будущем специальную статью о развитии палеоантропологических работ в Институте, в виду этого я только в общих чертах коснусь этих работ и там, где это необходимо для освещения этногенетических исследований.

Илл. 2. Т.И. Алексеева проводит измерения лица по расоведческой программе. Горно-Алтайская АО, Усть-Канский район, пос. Мендур-Соккон. 1983 г.

Все эти процессы совпали с периодом «охлаждения» к работам в области расоведения и этнической антропологии, которое вызвали два обстоятельства характерные для антропологии второй половины XX столетия. В мире практически не осталось народностей, где бы ни побывал антрополог с расоведческой программой. Стараниями некоторых политиков, ученых и журналистов борьба с расизмом прочно связала слово «раса» с этим антинаучным учением, и не только этот обычный биологический термин, но и само его содержание как таксономической единицы стало практически под негласным запретом. Более того, многие исследователи стали отстаивать точку зрения, что данная категория у человека не наполнена реальным биологическим содержанием. В задачу данной статьи не входит рассмотрение этих вопросов. Интересующимся читателям рекомендую обратиться к сборнику статей «Проблема расы в российской физической антропологии» [Проблема расы... 2002].

Ввиду такого положения я решил не давать подробного анализа многочисленных проблем, а

выделить два направления работ: методические наработки и развитие аналитических методов на примере антропологического изучения славянских и финноязычных народов, проводимых в Институте. Безусловно, при таком подходе есть опасность субъективности выбора тем и оценок.

Методы исследований и их унификация

Необходимость разработки и унификации методов исследований была ясна антропологам еще в дореволюционный период. С самого начала своей деятельности в качестве директора Института и до конца своих дней Виктор Валерианович Бунак придавал работам в этом направлении большое значение. И по заданному им камертону в Институте сложилась традиция освоения и разработки новых методов и их унификации. Для расоведения и этнической антропологии большое значение имели его работы – «Методика антропометрических исследований» [Бунак, 1927] и

«Антропометрия» [Бунак, 1941]. В этих руководствах за основу был взят известный учебник Р. Мартина, но были и оригинальные наработки. Стоит только упомянуть 12-бальную шкалу цвета радужины, предложенную В.В. Бунаком, и, безусловно, лучшую в мире до настоящего момента. Ценность этой шкалы была продемонстрирована самим В.В. Бунаком в его выдающейся работе «Генетический анализ окраски радужины человека» [Бунак, 1940]. Созданные в тот период в Институте рисунки и муляжи различных деталей лица помогли многим антропологам в их практической работе. Принципы оценивания балловых признаков в выборках по мировому межгрупповому масштабу, учет балла от «определенной формы до определенной формы», а не практиковавшаяся система «эта форма – такой то балл», безусловно, более соответствуют популяционным принципам.

Эти разработки не сняли всех вопросов, существующих при определении описательных признаков. Элемент неопределенности и субъективности сохранился до настоящего времени. Очень часто приходится делать коннексии данных разных авторов. В связи с этим еще с дореволюционной поры в обязательный набор методов вошла специальная фотография. В.В. Бунак придавал большое значение унификации фотографических методов изучения морфологических особенностей внешности. Его в первую очередь интересовала возможность измерений на фотографии. Но в этом направлении успехов было немного. Я вспоминаю, что когда я принес ему свои первые обобщенные фотопортреты, он первым делом схватился за линейку.

Большое значение для дерматоглифики имели различные методы, предложенные М.В. Волоцким [Волоцкой, 1940]. Уже в тот период Г.Ф. Дебеч начал работу по унификации краниологических программ.

Имея в виду тему статьи, я не касаюсь разработки методов в других областях антропологии. Например, громадная работа по проектированию и стандартизации предметов личного пользования [см. статью Т.Н. Дунаевской и Т.К. Федотовой в данном номере, с. 62]

В послевоенный период в Институте были введены в практику работ большое количество новых методов. В первую очередь это были различные биохимические и иммунологические методы (В.А. Спицын, Т.И. Алексеева, Л.К. Гудкова, В.П. Волков-Дубровин, О.М. Павловский). Большинство этих методов не имели непосредственного отношения к расоведению и этнической антропологии. Но отдельные работы В.А. Спицына были сделаны для характеристики генных частот

Илл. 3. И.В. Перевозчиков измеряет физиономическую высоту лица. Памир. Долина реки Оби-Хингоу. 1987 г.

в конкретных популяциях, а его работа по установлению географического центра расообразования вообще стоит особняком во всей этой тематике [Спицын, 1977]. Были разработаны и некоторые оригинальные методы. Для определения групп крови в ископаемом материале И.В. Перевозчиковым была предложена модификация метода адсорбции-элюции и сконструирован оригинальный прибор для этого метода. И.В. Перевозчиковым и А.В. Суховой была предложена модификация метода определения обонятельной чувствительности. В той же лаборатории расоведения был возрожден из небытия и применен к большим выборкам метод обобщенных фотопортретов Ф. Гальтона (И.В. Перевозчиков, О.М. Павловский и А.М. Маурер). Под руководством А.М. Маурера, И.В. Перевозчикова и К.Э. Локк специалистами в компьютерном программировании были созданы программы для обобщения цветных цифровых портретов. Более подробно о работе лаборатории расоведения написано в статье И.В. Перевозчикова [Перевозчиков, 2010].

Значителен вклад сотрудников Института и в применение методов статистической обработки материалов исследований. М.В. Игнатъев ввел в

практику работ (описал алгоритм и последовательность вычислений) метод обобщенных расстояний по Махаланобису задолго до появления соответствующих компьютерных аналогов [Игнатьев, Пугачева, 1961]. В.Е. Дерябин создал оригинальную программу канонического анализа «Канокласс», которая была использована его коллегами в десятках работ по этнической антропологии [Дерябин, 1999]. Вообще, стремление в максимальной степени использовать различные математические (в первую очередь статистические) методы было характерной особенностью работ сотрудников Института во все периоды.

Изучении антропологических особенностей славянских и финноязычных народов

Никаких принципиальных различий в работах по этнической антропологии между исследованиями в Институте и других отечественных антропологических учреждений не было. Но были «любимые» темы. Для работ в Институте это была тема «восточные славяне (в основном великорусы) и финноязычные группы».

Начиная с работы А.П. Богданова о черепах из курганных могильников и работ В.В. Воробьева о великоруссах [Воробьев, 1900], кончая последними статьями Т.И. Алексеевой [Алексеева, 1999], тема «славяне и финны» была в центре внимания антропологов Института.

Нет необходимости рассматривать и анализировать все работы по расоведению и этнической антропологии в этот период. Но были некоторые работы, которые послужили неким «камертоном» для последующих исследований.

Во-первых, это две статьи В.В. Бунака в *Русском антропологическом журнале* за 1924 год об антропологии марийцев (в то время черемисы) и мордвы. Само исследование было сделано в 1921 году. Обстановку в эти годы В.В. Бунак характеризует следующим образом: «Работа экспедиции происходила в исключительно трудных условиях надвигающегося голода, острых эпидемий и хозяйственного неурядиства» [Бунак, 1924 а, 1924 б]. Тем не менее, по двум указанным этносам было обследовано более 1000 человек (мужчин). Попутно обследовались и русские. Позволю себе процитировать еще несколько предложений из работы, так как не всегда совпадают мнения у исследователей о том, что хотел сказать Бунак. «Имеющийся у нас материал позволяет предположить, что одним из типов, вошедших в весьма

давнее время в состав черемисского народа, был тот тип, который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов (манси). Это низкорослый, темный, мезоцефальный, с указателем 78, низко или среднеголовый, с указателем 68, довольно узколицый, мезоринный, прямо-волосый, слегка монголоидный тип – этот тип можно бы назвать уральский» [Бунак, 1924 а, с. 160]. И далее: «Весьма вероятно, что с самых ранних периодов уральский тип существовал в двух вариантах: одном с более резко выраженными особенностями, более долихоцефальном и платицефальном, в другом, более мезоцефальном и гипсицефальном, до известной степени близком тому, что представляют собой черемисы. Этот тип можно бы назвать субуральским» [с. 169]. Дальнейшее в рассуждениях В.В. Бунака выглядит (с моей точки зрения) несколько парадоксальным: «От смешения уральского или субуральского и балтийского типов и образовалась современное черемисское население» [с. 161]. Я лично полагаю, что уральская раса как морфологическое единство является реконструируемой сущностью и именно это делает проблему крайне запутанной. Даже сам Виктор Валерианович предполагал две исходные формы, а не одну.

Статья эта имела далеко идущие последствия. Уральская раса стала популярной темой, она оказалась связанной с общей проблемой расообразования в виде альтернативы «смешанный–недифференцированный». Хорошо известна полемика В.В. Бунака и Г.Ф. Дебеца на страницах журнала *Советская этнография* о принципах расовой классификации. К этой теме относятся и различные мнения исследователей о черепах из Оленьего острова.

В 1930-х годах было проведено широкомасштабное изучение восточных финнов. Выводы В.В. Бунака в отношении мари (черемисов) в основном были подтверждены П.И. Зенкевич [Зенкевич, 1941]. Но при сравнительном анализе финских групп Пантелеймон Иванович сделал несколько важных замечаний. Он писал, что для уверенного выделения слагающих группу компонентов не достаточно знания о корреляциях расовых признаков и нет данных «... о распределении морфологических свойств в случае смешения более чем двух компонентов» [Зенкевич, 1941, с. 43]. Его второй важный вывод гласил, что: «... между финскими племенами имеются глубокие антропологические различия и что их совершенно основательно можно разделить на две резко различающиеся части» [там же]. Но эти части не имеют этнический, а географический характер – правый

и левый берег Волги. При этом «В правобережье устанавливается большая антропологическая близость отдельных финских групп с соседними русскими группами, чем между собой» [там же, с. 44]. После этой работы, сделанной примерно на 3500 индивидуумах всех восточных финнов, проблему «славяне-финны» можно было бы закрывать. Но тема продолжила свое существование.

Большинство антропологов того периода предполагало, что практически любую народность можно представить себе как смесь двух или нескольких антропологических вариантов. А эти варианты можно выявить разными способами (например, анализируя форму кривой распределения признаков) в том числе и анализируя внутригрупповые корреляции. П.И. Зенкевич в указанной работе провел типологический анализ с помощью внутригрупповых регрессий, но дополнил его географическим анализом. В более обобщенной форме мы сейчас применяем факторный анализ, фактически с теми же целями. Факторный анализ, хотя и несколько более абстрактный (что такое фактор?), позволяет оценить долю данного фактора в общей изменчивости, что дает нам меру неопределенности выводов. С моей точки зрения, данная статья Пантелеймона Ивановича – одна из лучших в отечественной этнической антропологии.

Типологический метод анализа зачастую приводил к парадоксальным результатам. Например, существовало большое разнообразие в реконструкции антропологического облика славян и великорусов, в частности. В известной статье Г.Ф. Дебеца, также посвященной теме «славяне-финны», – «Так называемый “Восточный великорус” (К вопросу о пранародах и проторасах)» – ситуация представлена следующим образом. «Итак, по мнению разных авторов, коренной славянин Восточной Европы был: 1) светлым и долихоцефальным (Зограф, Чекановский), 2) светлым и брахицефальным (Талько-Гринцевич, Краснов, Бунак), 3) темным и брахицефальным (Воробьев, Волков), 4) темным и долихоцефальным (Чепурковский). Точно также дело обстоит с антропологическим типом протофинов, которые были: 1) по Косина и Риплею и др. светлыми долихоцефалами, 2) По Колмогорову и Гюнтеру светлыми брахицефалами, 3) по Чекановскому и Пику темными монголоидными брахицефалами, 4) По Бунаку и Талько-Гринцевичу темными долихоцефалами» [Дебец, 1933, с. 49–50].

Сравнивая живущих рядом русских и мордву-мокшу Георгий Францевич указывает на их значительное сходство и заметное отличие от марийцев. Их антропологический тип он определяет как

промежуточный между черкесами и шведами, но никакого специального названия этому варианту не дает. Впоследствии этот вариант получит определение «среднеевропейский».

Сходство в антропологическом типе русских и финнов могло объясняться и просто процессом смены этничности, который может протекать достаточно быстро. В статье о вепсах Г.Ф. Дебец пишет: «Легко проследить, как отдельные села меняют свою национальную принадлежность, становясь из вепских русскими (но не наоборот). Так, например, с. Кино Шольского района считается теперь русским, но старики еще помнят, что они “раньше были чухарями”» [Дебец, 1941, с. 139]. Подобные примеры в своей экспедиционной практике имел и автор. Надо вообще заметить, что многие индивидуумы и целые группы легко становятся русскими. Эту особенность отметил еще В.В. Воробьев и объяснил ее такими словами: «Всякий наблюдатель, которому приходилось бывать в областях, где великорусское население соприкасается с инородческими племенами, мог, конечно, убедиться в необыкновенной способности великороссов не только мирно уживаться со своими соседями, но и поразительно быстро заимствовать у них многие обычаи, привычки, слова, выучиваться их речи. Способность русских к изучению языков давно уже вызывает у западных европейцев чувство удивления» [Воробьев, 1900, с. 73].

Проблемы с типологическими методами и нашим инстинктивным стремлением классифицировать и найти истоки того или иного явления материального или духовного мира далеко не всегда поддаются рациональным решениям. Чаще всего такое положение связано с недостатком информации.

В связи с вышеупомянутыми проблемами рассмотрим еще два мнения. Г.Ф. Дебец создал образцовую работу по этнической антропологии на примере селькупов (опять группе промежуточной!) [Дебец, 1947]. Повторим вкратце его аргументацию.

В этой статье за разделом «Материалы» следует «Суммарная антропологическая характеристика селькупов» по описательным и измерительным признакам головы и по длине тела. Это описание сделано в сравнительном плане по европеоидно-монголоидной шкале, что связано с положением селькупов в зоне контакта этих рас. В результате констатируется смешанность антропологического типа селькупов. Следующим шагом автор выделяет внутри этноса антропологические варианты с помощью географического и родоплеменного анализов. При этом Г.Ф. Дебец сравнивает эмпири-

ческие и теоретически ожидаемые частоты комбинаций отдельных признаков на фоне их межгрупповой корреляции на севере Евразии и выделяет три комбинации признаков (он называет их типами): «умеренно монголоидную», «более монголоидную» и «обнаруживающую европеоидные черты». Общий вывод из анализа: «...селькупы антропологически стоят ближе всего к обским уграм», они различаются лишь разной концентрацией общих антропологических компонентов. И далее Дебец делает уже чисто «популяционное» по своему духу замечание: «Комбинации признаков, напоминающие зырян или финнов, с одной стороны, кетов или даже тунгусов – с другой, действительно встречаются, но вряд ли могут сами по себе рассматриваться как серьезное основание для выделения типов. Дело в том, что частота этих комбинаций примерно соответствует теоретически ожидаемой по теореме умножения вероятностей» [Дебец, 1947, с. 109].

Я.Я. Рогинский дал совершенно иное возможное истолкование типологического разнообразия на примере тунгусов Прибайкалья. «В человеческом обществе отсутствует естественный отбор в точном смысле этого слова, и вследствие этого приобретена возможность сохранения самых различных комбинаций признаков и разных степеней их развития. Что касается возможности их появления, то она становится более ясной, если иметь в виду уже отмеченную выше связь расовых особенностей и возраста... Влияние замедлений и ускорений процессов утробного и внеутробного развития на формообразование человека было отмечено еще в прошлом столетии...» [Рогинский, 1934, с. 121] Яков Яковлевич рассматривал подобный механизм как «существенный, хотя и не единственный путь объяснения многообразия типов внутри группы. На этом основании можно думать, что не смешение неизменных и сложившихся расовых элементов, а собственная инерция процесса расообразования есть главный источник типового разнообразия в расовом составе тунгусов» [Рогинский, 1934, с. 121]. Механизм, предложенный Я.Я. Рогинским, можно назвать эволюционным и, соответственно, раса может рассматриваться как эволюционная единица.

В разговорах с автором Яков Яковлевич часто возвращался к этой идее (она упоминается и в его учебнике) и у меня сложилось впечатление, что он считал ее очень важной. На современном этапе развития генетики и эмбриологии можно полагать, что идея Я.Я. Рогинского соответствует представлениям о расах как продуктах, в первую очередь, генов-регуляторов, а не структурных генов.

Возобновление активных работ по этнической антропологии и расоведению падает на 1950-е годы. Первая крупная работа «Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна. К проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье» Т.И. Алексеевой [Алексеева, 1956] только подтверждает высказанную мысль, что тема «славяне-финны» это Институтский «конек». Татьяна Ивановна обследовала значительную территорию проживания русского и финского населения, подтвердила сходство их антропологического облика, но с другой стороны, она показала, что различия есть на уровне племенных, как славянских, так и финских территориальных групп. Надо сказать, что этот результат больше соответствует общим тенденциям в дифференциации популяций человека, нежели более ранняя постановка «антропология–лингвистика». Было также проведено сопоставление данных палеоантропологии и современного населения. В отдельных случаях это сопоставление оказалось продуктивным. Очень интересно, что примерно через тридцать лет Ю.Г. Рычков и Е.В. Балановская с помощью обобщенного картографического анализа подтвердили на материалах Русской антропологической экспедиции результаты, полученные Т.И. Алексеевой [Рычков, Балановская, 1988].

В 1955–1959 гг. Т.И. Алексеева приняла участие в одном из крупнейших проектов по этнической антропологии – Русской антропологической экспедиции. Татьяна Ивановна была руководителем полевых работ. Результаты получили освещение в известном сборнике «Происхождение и этническая история русского народа» [Происхождение... 1965]. Несмотря на выделение большого количества региональных типов, весь массив данных выглядит в цифровом виде очень однородно. По моему мнению, гораздо лучше особенности региональных типов оказались различимы на обобщенных фотопортретах, созданных А.М. Маурером и И.В. Перевозчиковым [Маурер, Перевозчиков, 1999]. Е.М. Чепурковский оказался провидцем, указав на важное значение обобщенного фотопортрета при групповом анализе.

Несколько очень удачных работ в этнической антропологии Средней Азии было выполнено Н.Н. Миклашевской. С теоретической точки зрения выделяется ее работа по изменению темпов развития расовых признаков в онтогенезе у детей метисных по происхождению узбеков. Это ясно указывает на возможность влияния онтогенетических процессов на становление расовых особенностей (по взрослым подобная работа проделана Г.Л. Хить). В своем исследовании Н.Н. Миклашевская развивала идеи Я.Я. Рогинского. По-

зволю себе привести небольшую цитату из работы Натальи Николаевны: «Метисная группа во всех возрастных интервалах находится в состоянии перехода от одного расового компонента к другому. Это существенно уточняет то представление о метисности и промежуточности подобного типа, которое складывается из суммарных среднеарифметических характеристик» [Миклашевская, 1973, с. 66].

Т.И. Алексеева и Н.Н. Миклашевская после этих работ сосредоточили свои интересы в других областях антропологии, и поле расоведения и этнической антропологии в Институте еще более уменьшилось.

В 1976 году вышла работа В.А. Спицына «К проблеме происхождения и дифференциации человеческих рас в пространстве» [Спицын, 1976]. В этой работе на основе распространения генных комплексов различных белков и ферментов крови делается вывод об азиатском происхождении человеческих рас. Надо сказать, что обычно колыбелью *Homo sapiens* считается Африка. Но автору до сих пор не приходилось читать какое-либо внятное опровержение идей Виктора Алексеевича. К этому добавлю, что Я.Я. Рогинский говорил мне, что Г.Ф. Дебец считал наиболее морфологически близкими к верхнепалеолитическому человеку веддоидные группы Южной Индии. Как правило, предпочтение того или иного центра происхождения или направление миграций затрудняется выбором направления вектора-клина.

После этой работы В.А. Спицын также изменил основное направление своих интересов и ушел в другую организацию.

Работы по палеоантропологии Т.А. Кондукторовой и С.Г. Ефимовой оказали сильное влияние на наши представления об этногенезе современных народов Восточной Европы. Краниологические исследования Т.С. Кондукторовой не только значительно дополнили фактические сведения об антропологическом типе древнего населения юга России, но и возродили интерес к проблеме скифского компонента у восточных славян [Кондукторова, 1972, 1973, 1979]. В свою очередь, работы С.Г. Ефимовой о палеоантропологии народов Поволжья безусловно внесли свою лепту в традиционную тему о финнах, уграх и тюрках этой территории [Ефимова, 1991, 1999 а, 1999 б].

Как было выше упомянуто, основные результаты работ группы исследователей, ассоциированные с лабораторией расоведения Института, изложены в специальной статье [Перевозчиков, 2010]. Один из этих результатов представляет интерес с точки зрения этнической антропологии:

при изучении двух метисных популяций (хакасов и камчадалов) обнаружено значительное совпадение оценок смешения по демографическим, генеалогическим и антропологическим данным. Причем показано, что количественные признаки столь же информативны, как и генетические маркеры. Это еще раз подтверждает ценность морфологических признаков как исторического источника при изучении проблем этногенеза.

Приложение

Просматривая *Русский антропологический журнал* и *Антропологический журнал*, я обратил внимание на годовые отчеты о деятельности Института. Полагаю, что эти отчеты очень хорошо показывают интенсивную научную жизнь того времени. Привожу два из них с сокращениями.

1926 год

Антропологические экспедиции 1926 года: весной 1926 г. было произведено антропологическое исследование рабочих стеклянных заводов в Гусь-Хрустальном Владимирской губернии под руководством проф. В.В. Бунака совместно с аспирантом Антропологического института 1-го МГУ Я.Я. Рогинским и студентами-специалистами. Было исследовано свыше 1100 рабочих по подробной программе.

Комплексная Антропологическая экспедиция в Центральную промышленную область. Летом 1926 г. экспедиция, явившаяся продолжением прошлогодней Комплексной экспедиции, работала под руководством Б.С. Жукова при участии представителей Московского областного музея, Нижегородского губернского музея и других учреждений, и студентов-специалистов в районе р. Ветлуги, Унжи и Теши и была разделена на 3 отряда.

В антропологическом отношении исследование производилось в северном отряде в районе г. Семенова и Городца. Было исследовано 900 чел. В этнографическом отношении исследован район Вятско-Ветлужского водораздела (черемисы) и район по среднему течению р. Керженца (великоруссы).

В палеоэтнологическом отношении отряд обследовал верхнее течение р. Ветлуги и нижнее течение р. Унжи. Произведены пробные раскопки Шангского городища и продолжено исследование Одоевского городища. Продолжено исследование культур костеносных городищ и установлены западные границы распространения этой культуры;

кроме того, исследован поздний черемисский могильник в районе этнографических работ.

В районе Павлова (Нижегородская губ.) работал особый антропологический отряд. Здесь произведено подробное антропологическое исследование свыше 1000 кустарей-металлистов.

Южный отряд производил исследования в палеоэтнологическом и этнографическом отношениях в районе р. Теши, в Лукояновском и Арзамасском уездах Нижегородской губернии. Исследован ряд финских могильников.

Собранные экспедицией материалы поступили для обработки в Антропологический институт Московского университета, откуда они будут распределены по различным музеям.

Б.С. Жуковым совместно с О.Н. Бадером весной 1926 г. произведено исследование стоянки неолитической эпохи у с. Б. Казино Сормовского уезда Нижегородской губернии, а также сделаны раскопки в двух пунктах на Волосовских дюнах.

Под руководством Б.С. Жукова студентами-практикантами произведены раскопки двух курганных групп в верховье р. Клязьмы и закончено исследование Льяловской неолитической стоянки. Б.А. Куфтиным осенью 1926 г. произведено исследование в этнографическом отношении Северной Осети, откуда доставлен обширный материал в Музей народоведения и в Антропологический институт I МГУ (костики).

Совместно со студентами-практикантами Б.С. Куфтиным произведены раскопки Мелиховского городища Касимовского уезда Рязанской губернии в связи с этнографическим обследованием района; им же произведены раскопки курганов близ г. Елатьмы Рязанской губернии, продолжено исследование стоянки бронзовой эпохи у с. Подборного Касимовского уезда и островной неолитической стоянки у с. Ушмар на Спасо-Клепиковских озерах Рязанской губернии.

Супоневская стоянка, Весной 1926 г. Академией истории материальной культуры при участии Антропологического института I МГУ, Геологического института I МГУ, Московского исторического музея и Брянского областного музея, под общим руководством П.П. Ефименко, совместно с представителями названных учреждений Б.О. Жуковым, Г.Ф. Мирчинком, С.С. Деевым, представителем Главнауки З.Г. Гринбергом и др. произведены раскопки стоянки древнекаменной эпохи у с. Супонева близ г. Брянска.

Обширный материал, добытый во время раскопок, поступил для обработки в Академию истории материальной культуры.

Экспедиция в Бурято-Монгольскую автономную республику. Летом 1926 г. аспирантами Антропологического института I МГУ Я.Я. Рогиным и В.А. Гамбурцевым была предпринята поездка с целью антропологического исследования в Бурято-Монголию. Было произведено подробное антропологическое обследование 300 мужчин и 60 женщин в районе Тупкинского аймака; кроме этого, производилось посемейное обследование.

Студентом-антропологом старшего курса 1-го МГУ В.И. Левиным и Э.С. Левин-Щириной была предпринята поездка в Кабардино-Балкарскую область с целью антропологического изучения местного населения. Исследовано 500 балкарцев и 80 человек горских евреев.

Под руководством аспиранта Антропологического института 1-го МГУ А.И. Ярхо, совместно с другими аспирантами Института и студентами-антропологами, зимой 1926 г. произведено подробное антропологическое исследование китайцев в г. Москве; обследовано более 300 человек.

Экспедиция для обследования Танна-Тувинской республики в племенном и хозяйственном отношении в 1926 г., снаряженная Комиссией по изучению Монголии и Танна-Тува при Совете Народных Комиссаров СССР, пригласила руководителем антропо-этнологических работ заведующего Антропологическим институтом 1-го МГУ проф. В.В. Бунака. В этих работах приняли участие аспиранты Антропологического института М.Г. Левин, А.И. Ярхо, студенты-антропологи Л.В. Пушкинская и В.И. Белкина, а также врач А.П. Преображенский и художница О.Ф. Амосова. Экспедиция посетила Тоджинский, Саньджакский, Самгактайский и Кемчинский районы (илл. 4). Антропологически обследованы свыше 400 субъектов обоего пола. Собраны данные по демографии, обширные материалы по этнографии. Экспедиция доставила несколько сот фотографических снимков, маски, снятые с живых особей, мазки крови, обширные этнографические коллекции.

Этнологическая экспедиция Музея антропологии и этнографии Академии наук в Среднюю Азию летом 1926 г. работала под руководством проф. Б.П. Вишневого. Собраны данные о 2039 особях, в том числе о 306 мужчинах и 161 женщине таджиках, о 447 мужчинах и 47 женщинах узбеках, 143 мужчинах и 103 женщинах самаркандских евреях. Сделано 600 фотографий, собраны кранио- и остеологические коллекции, образцы волос, наружных паразитов.

[Русский антропологический журнал, 1926]

Илл. 4. Участники Тану-Тувинской экспедиции. 1926 г. Крайний слева М.Г. Левин.
В середине, укрытый шкурами, А.И. Ярхо

1935 год

I. Материалы по расовой антропологии

А. Восточная Европа. Г.Ф. Дебец, «Северная раса у финнов Поволжья». – Он же, «Вепсы и проблема балтийского типа». – П.И. Зенкевич, «Антропологическая характеристика восточных финнов». – М.А. Гремяцкий, «Антропологический тип инвенских коми».

Б. Кавказ. В.В. Бунак, «Расовый тип осетин» – Он же, «Антропологический тип ингушей». – Он же, «Хевсурь. Антропологический очерк». – Он же, «Чеченцы. Краткая характеристика расового типа».

В. Средняя Азия. А.И. Ярхо, «Кара-Калпаки».

Г. Восточная Азия. Н.Н. Чебоксаров, «Расовый тип китайцев».

М.В. Игнатъев, «Действие изоляции на кривые распределения и корреляции между родственниками».

Указанные работы по расоведению представляют собой сводку расовых исследований института за ряд лет.

Сборник размером в 25 печатных листов будет также печататься в серии «Ученых записок МГУ».

Подготовлен также к печати сборник «Наука о расах и расовые теории». Нужда в таком сборнике, посвященном критике расистских «теорий», сборнике, рассчитанном к тому же на квалифицированного широкого читателя, давно назрела. В этот сборник включены следующие статьи: 1) Идеология рабовладельцев (вводная статья); 2) О «высших» и «низших» расах с точки зрения учения об антропогенезе (М.А. Гремяцкий); 3) Раса как историческое понятие (В.В. Бунак); 4) Современное состояние экспериментального исследования психических особенностей человеческих племен (Я.Я. Рогинский); 5) О вариационно-статистических приемах расового анализа в современной антропологии (Г.Ф. Дебец и М.В. Игнатъев); 6) Расовые теории в археологии и этнографии (А.М. Золотарев и С. Толстов); 7) Теория пранародов и пракультур в свете антропологии (Г.Ф. Дебец); 8) Антропосоциологическая концепция Вольтмана (М.С. Плисецкий).

1935 год характеризуется в деятельности Института также расширением экспериментально-лабораторных работ. В частности, в секторе морфологии поставлено изучение биохимических реакций крови, разработана методика и сконструирован специальный прибор для изучения удельного веса тканей; в секторе антропогенеза поставлено исследование микроструктуры костей применительно к ископаемому материалу.

В 1935 году Институтом осуществлены следующие экспедиционные работы.

1. Изучение касимовских татар, проводившееся по линии производственной практики студентов-антропологов старших курсов под руководством сотрудника института Г.Ф. Дебеца, при участии сотрудника Музея антропологии Т.А. Трофимовой. Обследовано охвачено около 200 человек. Эти работы пополняют составленную Институтом антропологическую карту СССР и дают первый материал по антропологии этой еще не исследованной группы.

2. Крымская палеоантропологическая экспедиция под руководством сотрудника института О.Н. Бадера имела целью поиски и обследование древнейших поселений эпохи доклассового общества преимущественно в пещерах, гротах и убежищах под скалами. Подробно исследован район предгорий Яйлы между реками Боркульчей, Карасубазаром, деревней Ени-Сала и Долгоруковской яйлой, с частичными заходами на яйлу. В поисках древнейших остатков человека осмотрено до 150 пещер и навесов, огромное большинство которых подвергнуто пробной шурфовке. Экспедицией обнаружено около 60 памятников. Среди них целый ряд поселений и местонахождений с средневековой греко-готской керамикой, одна погребальная пещера того же времени, в 5–6 пунктах – курганы скифо-сарматские, одно скифское городище, несколько могильников с каменными ящиками, 3–4 местонахождения кизил-кобинокой культуры, около 20 стоянок и местонахождений азиль-тардтуазского времени, расположенных на открытых местах, и, наконец, располурные слои того же времени в 6 пещерах и одном навесе под скалой. Последняя группа находок представляет большой интерес: в богатых кремневыми орудиями слоях хорошо сохранились кости животных.

3. Раскопка языковского неолитического могильника (Кашинский район Калининской области). Работа эта также производилась по линии производственной практики студентов кафедры антропологии МГУ под руководством О.Н. Бадера.

Раскопки охватили значительную площадь и дали богатую коллекцию предметов из камня, кости, рога, обожженной глины, остатков древней фауны и пр. На указанной площади обнаружен один неполный скелет и отдельные кости челове-

ка в нескольких пунктах. Находка эта представит, несомненно, большой интерес. К сожалению, кости чрезвычайно плохой сохранности.

В 1935 г. в заседаниях Ученого совета Института заслушан ряд научных докладов: В.В. Бунак, «Морфологические особенности верхнего века в период роста»; П.И. Зенкевич, «Смена волосяного покрова у человека»; Кузовлева, Семенова, Левин-Щирина, «Возрастные изменения формы стопы»; А.М. Золотарев, «Вопрос о древнейшем населении Севера Амеразии»; М.В. Волоцкой, «К вопросу о распространении; папиллярных узоров среди рас земного шара»; Г.Ф. Дебец, «А.И. Ярхо как антрополог»; С.С. Кривцов, «Расовые воззрения Каутского»; А.А. Дешин, «Эволюция лимбической доли коры головного мозга у человека и других приматов»; Г.Ф. Дебец, «Антропологический тип вепсов»; М.Ф. Иваницкий, «О центре тяжести человеческого тела».

Научные доклады ставились также в заседаниях секторов. Из них надо отметить доклад Я.Я. Рогинского, «К проблеме интеллекта в учении об антропогенезе».

В декабре 1935 года в Институте состоялась защита диссертации на степень кандидата биологических наук бывшим аспирантом института А.Н. Юзефовичем на тему «Неандерталоидные черты на черепе Homo sapiens».

В ближайшее время предстоит защита диссертаций бывшими аспирантами Института Н.Н. Чебоксаровым, «Расовая антропология коми» и Т.А. Трофимовой, «Антропологический тип татар Поволжья».

В личном составе Института также произошли значительные перемены. Директором Института вместо С.С. Кривцова назначен в мае 1935 г. М.С. Плисецкий (он же директор Музея антропологии). Заведующим научно-учебной частью института является проф. В.В. Бунак (он же – руководитель сектора морфологии).

Сектором антропогенеза заведует проф. М.А. Гремяцкий. Сектором расоведения руководил ранее С.С. Кривцов, сейчас в связи с его уходом из Института руководство сектором возложено на Я.Я. Рогинского.

В 1935 году Институт и Музей антропологии понесли тяжелую утрату: 4.V.1935 скончался действительный член Института А.И. Ярхо. Литературное наследство А.И. полностью поступило в Институт и Музей антропологии. В настоящее время заканчивается подготовка к печати монографии А.И. «Алтае-Саянские турки» и ряд других работ.

[Антропологический журнал, 1936. № 3. С. 367–369]

Благодарность

Автор приносит свою искреннюю признательность Л.К. Гудковой за обсуждение рукописи и сделанные замечания по тексту.

Библиография

- Алексеева Т.И.* Антропологический состав населения Волго-Окского междуречья (к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. Т. 33. Антропологический сборник. М., 1956. Вып. 1. С. 37–72.
- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян (по данным антропологии). М.: МГУ, 1973.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В.* Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир, 2003.
- Алексеева Т.И.* Этногенез и этническая история восточных славян // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный Мир, 1999. С. 307–315.
- Бунак В.В.* Антропологический тип черемис // Русский антропологический журнал, 1924 (а). Т. 13. Вып. 3–4. С. 137–177.
- Бунак В.В.* Антропологический тип мордвы // Русский антропологический журнал, 1924 (б). Т. 13. Вып. 3–4. С. 178–210.
- Бунак В.В.* Генетический анализ окраски радужины человека // Уч. зап. МГУ. Сер. Антропология, М., 1940. Вып. 34. С. 193–208.
- Бунак В.В.* Методика антропометрических исследований. М.-Л.: Медиздат, 1931. 224 с.
- Бунак В.В.* Антропометрия. М., 1941.
- Волоцкой М.В.* Генетика кожного рельефа // Уч. зап. МГУ. Сер. Антропология. М., 1940. Вып. 34. С. 209–245.
- Воробьев В.В.* Великорусы. Очерк физического типа // Русский антропологический журнал, 1900. № 1. С. 43–82.
- Дебец Г.Ф.* «Так называемый “Восточный великорус” (К вопросу о пранародах и проторасах)» // Антропологический журнал, 1933. № 1–2. С. 34–69.
- Дебец Г.Ф.* Вепсы // Уч. зап. МГУ. Сер. Антропология. 1941. Вып. 63. С. 139–174.
- Дебец Г.Ф.* Селькупы. Антропологический очерк // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. 1947. Т. II. С. 103–145.
- Дебец Г.Ф.,* Сорок лет советской антропологии // Советская археология, 1957. № 1. С. 7–30.
- Дерябин В.Е.* Современные восточнославянские народы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный Мир, 1999. С. 30–59.
- Залкинд Н.Г.* К пятидесятилетию Института антропологии МГУ // Вопр. антропол., 1973. Вып. 43. С. 25–40.
- Зенкевич П.И.* Характеристика восточных финнов // Уч. зап. МГУ. Сер. Антропология. 1941. Вып. 63. С. 21–80.
- Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991.
- Ефимова С.Г.* Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный Мир, 1999 (а). С. 185–204.
- Ефимова С.Г.* Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный Мир, 1999 (б). С. 279–306.
- Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М.: МГУ, 1972.
- Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
- Кондукторова Т.С.* Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979.
- Игнатъев М.В.* Исследования по генетическому анализу популяций // Уч. зап. МГУ. Сер. Антропология. 1940. Вып. 34. С. 247–268.
- Игнатъев М.В., Пугачева А.В.* Опыт оценки различий между группами с помощью «обобщенного расстояния» // Вопр. антропол., 1961. Вып. 8. С. 11–28.
- Маурер А.М., Перевозчиков И.В.* Региональные обобщенные портреты великорусов, по материалам Русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный Мир, 1999. С. 95–108.
- Миклашевская Н.Н.* Рост головы и лица у детей и подростков // Рост и развитие ребенка. М.: Изд. МГУ, 1973. С. 63.
- Перевозчиков И.В.* Проблема «третьей» расы // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 97–101.
- Перевозчиков И.В.* 35 лет деятельности лаборатории расоведения. Темы, методы, результаты // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2010. № 3. С. 25–31.
- Перевозчиков И.В.* «Расовые классификации», «Традиции российского расоведения» // Проблема расы в российской физической антропологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 16–21.
- Проблема расы в Российской физической антропологии.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. ISBN 5-201-00838-0.
- Происхождение и этническая история русского народа* / Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия. М.: Наука, 1965. Т. 88.
- Розинский Я.Я.* Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья // Антропологический журнал, 1934. № 3. С. 105–126.
- Рычков Ю.Г., Балановская Е.В.* Обобщенный картографический анализ в антропологии. Отражение летописных славянских племен в антропологической географии современного русского населения // Вопр. антропол., 1988. Вып. 80. С. 3–37.

Спицын В.А. К проблеме происхождения и дифференциации человеческих рас в пространстве // *Вопр. антропол.*, 1976. Вып. 54. С. 3–22.

Чебоксаров Н.Н. Негроиды и европеоиды в Восточной Африке // *Антропологический журнал*, 1936. № 1. С. 5–45.
Чебоксаров Н.Н. Из истории светлых расовых типов Евразии // *Антропологический журнал*, 1936. № 2. С. 193–227.

Челурковский Е.М. Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения

преимущественно Великороссии в связи с колонизацией ее славянами // *Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, состоящего при Императорском Московском университете. Т. CIV. Труды Антропологического отдела. 1913. Т. XXVIII. Вып. II.

Контактная информация:
Перевозчиков Илья Васильевич:
e-mail: perevozchikovev@mail.ru.

ETHNIC ANTHROPOLOGY IN THE INSTITUTE AND MUSEUM OF ANTHROPOLOGY OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

E.V. Perevozchikov

Lomonosov Moscow State University, Institute and Museum of Anthropology, Moscow

Review. The article discusses the formation and development of ethnic anthropology in the Research Institute of Anthropology, Lomonosov Moscow State University from 1922 onwards. As in a journal article is impossible to describe all that has been done at the Institute of anthropology in ethnic anthropology for 90 years, the author does not make detailed analysis of numerous works, and highlights the main achievements and the specific research areas of the Institute. Certainly, in this approach, there is a danger of subjectivity to the choice of subjects.

The scientific work at the Institute was held against the backdrop of major social transformations and was accompanied by a marked ideological pressure from the outside.

The author concentrates on two (of many) issues that pass through all periods of the existence of the Institute. Application and the creation of new research methods and problems of ethnogenesis of Slavic and Finnish populations. The author shows how, over time, reduced work in ethnic anthropology in the Institute, due to objective and subjective reasons.

From the example of the anthropological study of the various Russian and Finnish populations the author shows how were solved problems of classification and the emergence of the population approach. The author also cites statements of well-known anthropologists on various theoretical aspects.

The author tries to convince the reader, through the text of the article, on the advantages of the morphological approach in solving some of the problems of ethnic anthropology.

Keywords: *anthropology, Institute of anthropology, the history of the development of ethnic anthropology*